ВВЕДЕНИЕ
Здравствуй, племя младое, незнакомое

Зачем читать эту книгу?

Возможно, вы где-то слышали об австрийской экономической школе и хотите узнать о ней подробнее. Или вас приводят в уныние экономические теории, проповедуемые в учебниках и газетах, и вы ищете более реалистический взгляд на экономическую жизнь. Поведение человека, постулируемое доминирующей (или *неоклассической*, как ее часто называют) школой экономической науки, мало напоминает действия людей, которые мы видим вокруг себя каждый день. Те, о ком идет речь в учебниках, смахивают на роботов, жестко подчиняющихся системе уравнений, которая «максимизирует их полезность», выраженную набором параметров. При этом говорится, что уравнения «приводят» к соответствию спроса и предложения при равновесной цене, т.е. цене, обеспечивающей равенство величины спроса величине предложения. Какое место в такой системе уравнений занимают люди? Связать все эти математические построения с миром, в котором мы живем, весьма затруднительно. Каким образом понимание человека как устройства для решения уравнения полезности соотносится с исламской революцией, матерью Терезой, Джимми Хендриксом или с вашим собственным решением пойти в отпуск, который вы «на самом деле не можете себе позволить»,

но в котором действительно нуждаетесь?

Однако вы полагаете, что экономическая наука *должна* иметь отношение к реальной жизни. Ведь вопросы, которыми она занимается — рабочие места, деньги, налоги, цены и производство — это наше повседневное существование? Почему же изучаемый ею объект выглядит столь странно?

Австрийская экономическая школа предлагает подход, альтернативный доминирующему течению (мейнстриму). Она ставит экономическую науку на здоровую, человеческую основу. Она избегает ловушек, в которых увязла бóльшая часть современной экономической науки: предположения об эгоизме как основной человеческой мотивации, узкого определения рационального поведения и злоупотребления нереалистичными моделями. В этой книге делается попытка представить вашему вниманию важнейшие идеи этой школы.

Своим названием австрийская школа обязана тому, что большинство ее ранних представителей родом, как вы, вероятно, уже догадались, из Австрии. В результате нацистской оккупации этой страны представители австрийской школы были рассеяны по всему миру. Сегодня видных экономистов австрийской школы можно найти во многих странах. Я буду использовать термин «австрийцы», имея в виду представителей австрийской школы, вне зависимости от того, жили они когда-либо в Австрии или нет.

Я не собираюсь подробно рассказывать об истории школы, хотя в приложении есть краткий исторический

обзор. Я также не ставил своей целью убедить профессиональных экономистов других школ «обратиться» в австрийскую веру. Мне хочется предложить вашему вниманию то, что обычно называется «путеводителем для интеллектуального дилетанта». Я старался быть точным, но не вдавался в подробности эзотерических споров профессиональных экономистов, иначе книга вышла бы слегка шизофреничной.

Австрийская школа не монолитна, и среди ее представителей существует множество теоретических разногласий. Если копнуть глубже, то, вообще говоря, нет даже общепринятого критерия, позволяющего определить, кто же действительно является австрийцем. Есть «полуавстрийцы», «спутники австрийцев» и даже те, кто сам себя называет австрийцем, но кому другие авторы отказывают в праве так именоваться. Я попытался дать полное представление о взглядах школы, однако, безусловно, это представление окрашено моим личным пониманием предмета.

Характер книги не позволяет исследовать экономическую теорию австрийской школы так же глубоко, как это сделано в систематических трактатах «Человек, экономика и государство» Мюррея Ротбарда или «Человеческая деятельность» Людвига фон Мизеса. Если благодаря этой книге вы заинтересуетесь предметом, она полностью выполнит свою задачу; в таком случае советую вам приобрести один из двух упомянутых шедевров в этой области. (В конце книги имеется библиография, рекомендующая книги для дальнейшего чтения.)

У моей книги свои преимущества. Прежде всего, тома Ротбарда и Мизеса огромны: вряд ли кто-то захочет взять такую книгу на пляж. Во-вторых, большинство людей не стремится стать профессиональными экономистами. У вас, вероятно, не так много времени и сил, которые вы хотели бы посвятить этому вопросу, по крайней мере, до тех пор, пока не поймете, что́ вам даст более глубокое изучение предмета. Наконец, ни в одной из упомянутых великих работ нет ни слова про хит сезона — телешоу «Последний герой»[1]; кроме того, ни в той, ни в другой даже не упоминается актриса Хелена Бонэм-Картер. Я гарантирую, что моя книга свободна от обоих указанных недостатков.

Что касается «Последнего героя» (видите, вам даже не пришлось долго ждать, пока я исправлю первый недочет!), представьте себе, что реалити-шоу заканчивается немного иначе. В оригинальной версии победителем стал парень по имени Рич, продержавшийся

[1] Для тех, кто не смотрит телевизор, или для тех, кто будет читать книгу через двадцать лет после ее публикации, напоминаю: «Последний герой» — это реалити-шоу на необитаемом острове, куда телевизионщики привезли нескольких участников и предложили им ряд испытаний «на выживание». Процедура голосования устраняла соперников до тех пор, пока не остался единственный победитель. Им оказался парень по имени Рич. Нам в этой книге не важны конкретные детали шоу, поскольку Рич нам нужен просто как пример изолированного индивидуума и экономических проблем, с которыми он сталкивается. (Использование фигуры Робинзона Крузо стало общим местом, так что мне пришлось придумывать *что-нибудь* другое.)

дольше всех. В нашей альтернативной вселенной Рич тоже выходит победителем, но, упаковывая свою аппаратуру, члены съемочной группы решают, что сыты по горло его фиглярством. Вместо того чтобы доставить его домой, они незаметно покидают остров, пока Рич в последний раз загорает нагишом.

Рич обнаруживает, что остался на острове один. Теперь он сталкивается с самой насущной человеческой проблемой: как выжить в прямом смысле этого слова. Что экономическая наука может сказать о его ситуации? Укоренена ли наша наука в природе человека, или она является всего лишь результатом определенных общественных соглашений, которые мы вольны изменить по собственному желанию? Если кто-то не стремится стать как можно богаче или отвергает потребительство, приложимы ли к нему выводы экономической теории? Вот некоторые из вопросов, на которые я попытаюсь дать ответ в этой книге.

Вначале мы посмотрим, что представляет собой экономическая наука, а к Ричу вернемся в главе 2.

ЧАСТЬ I

Наука о человеческой деятельности

ГЛАВА 1

А что это вы тут делаете?

О природе экономической науки

> [Экономическая наука] характеризуется всеобщностью и является абсолютно и откровенно человеческой.
>
> Людвиг фон Мизес
> «Человеческая деятельность»

Что мы изучаем?

Впервые приступая к изучению какой-либо науки, мы хотим узнать, что она изучает. Другой подход состоит в том, чтобы задаться вопросом, на какие основные предположения она опирается, исследуя мир? Принимаясь за новый предмет, мы прежде всего обычно стараемся получить представление, о чем все-таки речь. Прежде чем купить книгу по биологии, мы определяемся в том, что будем читать о живых организмах. В начале курса химии мы узнаём, что можем надеяться изучить, как образуются соединения различных веществ.

Многие полагают, что в общих чертах знакомы с экономической наукой. Однако если начать их расспрашивать, то окажется, что они затрудняются сформулировать ее предмет. Один скажет вам, что это

«наука о деньгах». «Она имеет дело с бизнесом, прибылями и убытками и т.п.», — будет утверждать другой. «Нет, это дисциплина о том, как общество распределяет богатство», — уверен третий. «Неверно! Это поиск математических моделей, которые описывают движение цен», — настаивает четвертый. Профессор Израэл Кирцнер отмечает в своей книге «Экономическая точка зрения», что даже в среде экономистов-профессионалов бытует «ряд формулировок экономической точки зрения, поражающих своим разнообразием».

Причина этой неразберихи в том, что экономическая теория — самая молодая из известных человеку наук. Конечно, за несколько последних столетий, с тех пор, как экономическая теория была признана особой наукой, количество научных дисциплин выросло в несколько раз. Но молекулярная биология, например, является разделом биологии, а не самостоятельной наукой.

С экономической теорией, однако, дело обстоит иначе. Существование отдельной науки экономики ведет свое начало от открытия, что во взаимодействии людей в обществе существует предсказуемая регулярность, и возникла она сама собой, а не в результате чьего-то замысла.

Намек на такую регулярность, качественно отличающуюся как от механической регулярности физической вселенной, так и сознательных планов любого конкретного индивида, содержался в идее *спонтанного порядка* уже при первом ее появлении в западном

научном сознании. До возникновения экономической науки просто считалось, что, если мы обнаруживаем некий порядок вещей, значит, кто-то этот порядок обеспечивает: в случае физических законов это Бог, а в случае созданных человеком объектов и институтов — конкретные люди.

Первые политические философы предлагали различные схемы организации человеческого общества. Если план не срабатывал, его инициатор, как правило, говорил, что правители или граждане недостаточно добродетельны, чтобы воплотить этот план в жизнь. Ему не приходило в голову, что его план противоречил всеобщим правилам человеческой деятельности и не мог быть выполнен, независимо от добродетельности участников.

Расширение личной и политической свободы, начавшееся в Европе в Средние века и завершившееся промышленной революцией, выявило огромный пробел в существующей схеме знания. Западноевропейское общество все более явно переставало жить по указке правителя. Одно за другим отпадали ограничения в сфере производства. Вход в отрасль больше не контролировался гильдиями, но, несмотря на это, плотников, кузнецов, каменщиков было достаточно. Отошли в прошлое королевские привилегии, прежде необходимые для вхождения в ту или иную отрасль производства. И хотя теперь любой человек мог открыть пивоваренный завод, пиво не затопило мир. Его производилось именно столько, сколько было необходимо. Никто не составлял единый план завоза товаров

для города, но набор и объем товаров, декларируемых у городских ворот, оказывались приблизительно «правильными». В XIX веке французский экономист Фредерик Бастиа обратил внимание на это удивительное явление, воскликнув: «Париж накормлен!» Не экономическая наука создала эту регулярность, и в ее задачи не входит доказательство того, что эта регулярность существует, — мы наблюдаем ее каждый день. Экономическая наука, скорее, должна объяснить, *каким образом* это происходит.

Многие ученые внесли вклад в зарождающееся представление о том, что экономическая наука является новым взглядом на общество. Начало экономической науки следует отнести к гораздо более раннему периоду, чем обычно полагают; по крайней мере, к XV веку — к работам *поздних схоластов* из Университета Саламанки в Испании, которых Йозеф Шумпетер назвал первыми экономистами.

Адам Смит, возможно, не был первым экономистом, как его иногда величают. Но он сделал больше, чем какой-либо другой социальный философ, для популяризации представления о том, что если людям позволить свободно преследовать свои собственные цели, то возникнет общественный порядок, который никто из них в отдельности сознательно не планировал. Вспомним знаменитую формулировку Смита из его книги «Богатство народов»: свободный человек действует, как если бы «невидимая рука направляла его к цели, которая совсем и не входила в его намерения».

Австрийский экономист Людвиг фон Мизес в своем главном труде «Человеческая деятельность» отметил, что это открытие «ошеломило» людей, они узнали, что «человеческое действие может рассматриваться не только как хорошее или плохое, честное или нечестное, справедливое или несправедливое. Общественной жизни свойственна регулярность явлений, которую человек должен учитывать в своей деятельности, если хочет добиться успеха».

Мизес описал первоначальные трудности в определении природы экономической науки: «В новой науке всё казалось сомнительным. Она была незнакомкой в традиционной системе знаний; люди были сбиты с толку и не знали, как ее квалифицировать и какое определить ей место. Но, с другой стороны, они были убеждены, что включение экономической теории в перечень наук не требует реорганизации или расширения всей системы. Люди считали свою классификацию полной. И если экономическая теория в нее не вписывалась, то вина может возлагаться только на неудовлетворительную трактовку экономистами своих задач».

У многих чувство ошеломления скоро уступило место разочарованию. Они вынашивали идеи преобразования общества, а теперь оказывается, что у них на пути стоит невесть откуда взявшаяся экономическая наука. Она говорила реформаторам, что некоторые планы общественной организации потерпят неудачу независимо от того, насколько хорошо они будут выполнены, так как нарушают основные законы человеческого взаимодействия.

Обнаружив, что достижения первых экономистов мешают реализации их планов, некоторые из этих реформаторов, например Карл Маркс, пытались дискредитировать экономическую науку в целом. Экономисты, утверждал Маркс, просто описывали общество, каким увидели его в условиях господства капиталистов. Не существует экономических истин, которые были бы применимы ко всем людям везде и всегда; т.е. законы, сформулированные классической школой, такими авторами, как Адам Смит, Томас Мальтус и Давид Рикардо, неприменимы к тем, кто будет жить в грядущей социалистической утопии. На самом деле, говорили марксисты, эти мыслители были просто апологетами эксплуатации народных масс кучкой богачей. Экономисты классической школы были, выражаясь в стиле китайских марксистов, цепными псами на службе империалистических поджигателей войны.

Успех Маркса и подобных ему мыслителей в деле подрыва основ экономической науки стал свидетельством ее хрупкости. Экономисты классической школы открыли много экономических истин, но их теории страдали определенной противоречивостью, доказательством чего может служить их неспособность построить последовательную теорию ценности. (Подробнее мы обратимся к этой конкретной проблеме ниже.)

Именно Мизес, основываясь на работах более ранних австрийских экономистов, Карла Менгера, Бём-Баверка и других, поставил наконец экономическую

науку «на твердый фундамент общей теории человеческой деятельности».

Бывают ситуации, когда нужно различать общую науку о человеческой деятельности, которую Мизес назвал *праксиологией*, и экономическую теорию как раздел этой науки, изучающий обмен. Однако, поскольку термин «праксиология» не получил широкого распространения, а четкое выделение экономической теории из остальной части праксиологии не очень важно для популярного изложения, я буду употреблять термин *экономическая наука* в качестве названия всей науки о человеческой деятельности. Мизес сам часто использует его таким образом: «Экономическая наука... это теория всей человеческой деятельности, общая наука о непреложных категориях деятельности и их проявлении во всех мыслимых конкретных обстоятельствах, в условиях, в которых действует человек».

Что Мизес подразумевает под «человеческой деятельностью»? По его собственным словам, «человеческая деятельность есть целеустремленное поведение. Можно сказать и иначе: деятельность есть воля, приведенная в движение и трансформированная в силу; стремление к цели; осмысленная реакция субъекта на раздражение и условия среды; сознательное приспособление человека к состоянию Вселенной, которая определяет его жизнь».

Примерно о том же говорит британский философ Майкл Оукшотт, определяя человеческую деятельность как попытку заменить то, что есть, тем,

что должно быть, с точки зрения действующего человека.

Источником человеческой деятельности является *неудовлетворенность*, или — если вы хотите видеть стакан наполовину полным — представление, что жизнь могла бы быть лучше, чем она есть в настоящее время. Существующее здесь и сейчас принято считать в каком-то смысле несовершенным. Если мы полностью удовлетворены тем, как идут дела в данный момент, у нас нет никакой мотивации, чтобы действовать, — любая деятельность могла бы только ухудшить ситуацию! Но как только мы обнаруживаем в нашем мире нечто, что, по нашему мнению, не является абсолютно удовлетворительным, появляется возможность для действия, с тем чтобы исправить положение дел.

Например, вы лежите в гамаке, совершенно довольные миром, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг. Но вдруг ваша праздность нарушается каким-то гудением. Вам приходит в голову, что вы бы, безусловно, чувствовали себя более комфортно, если б гудение прекратилось; иными словами, вы можете представить себе ситуацию, которая, как вы полагаете, должна существовать. Вы испытываете первую составляющую человеческой деятельности — неудовлетворенность.

Однако, чтобы действовать, одной неудовлетворенности мало. Прежде всего вы должны понять *причину* беспокойства. В данном случае это, конечно, шум. Но мы не можем избавиться от него просто силой

желания. Нужно выяснить, чем этот шум вызывается. Чтобы действовать, необходимо понимать, что каждая причина является *следствием* некоторой другой причины. Необходимо быть способным проследить цепочку причин и следствий, пока не достигнешь точки, где, как представляется, наше вмешательство, наше действие способно разорвать цепь и устранить нашу неудовлетворенность. Необходимо видеть план движения от того, что есть, к тому, что должно быть.

Если гудение исходит от пролетающего над вами самолета, вы не будете действовать. (Если на вашем доме не установлена зенитная пушка, то вам с ним не справиться.) Вы должны считать, что ваши действия могут изменить мир, в котором вы живете. При этом совсем необязательно, чтобы ваша уверенность соответствовала действительности! Древние люди часто полагали, что выполнение некоторых ритуалов способно улучшить их жизнь, например вызвать дождь во время засухи или обеспечить успех на охоте. Насколько мне известно, эти приемы не работали. Но веры в их действенность было достаточно, чтобы люди продолжали их выполнять.

Итак, вы оглядываетесь вокруг, чтобы обнаружить причину беспокойства, и видите комара. Не исключено, вы *можете* сделать что-то с гудением — например, прихлопнуть маленького негодника. Вы представляете себе *результат*, то есть освобождение от комара. Вы видите, что достижение результата принесет вам *пользу* — зудение прекратится, и вы сможете наслаждаться безмятежностью.

Таким образом, вы можете встать и убить комара. Но вы вышли на улицу с иной целью — просто полежать в гамаке, ничего не делая. Здесь вы сталкиваетесь с другой составляющей человеческой деятельности — вы должны сделать *выбор*. Избавление от комара, конечно, большое дело, но вам придется вставать. А сделать это лень. Польза, которую вы думаете извлечь, избавившись от комара, достигается за счет *затраты* сил на вставание. Если польза от вашего действия превысит ваши издержки, вы извлечете *прибыль* из этого действия.

Хотя мы часто используем термин «прибыль» для обозначения денежного выигрыша, он, кроме того, имеет более широкий смысл, как, например, в выражении: «Ибо какая прибыль человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Чем бы мы ни занимались — будь то покупка акций или восхождение на гору для медитации — мы делаем это, имея в виду получить прибыль в этом психическом смысле. Как показывает приведенная выше цитата, выбирая праведную жизнь в бедности, мы надеемся, что конечный результат принесет нам больше пользы, чем издержки отказа от погони за мирскими благами: мы ожидаем получить прибыль от выбора.

Процесс выбора включает в себя рассмотрение средств, необходимых для достижения наших целей. Я был бы не против стать самым сильным человеком в мире. Но поставь я перед собой эту цель, мне пришлось бы подумать о том, чту нужно сделать для достижения этого. Я должен иметь доступ к тренажерам

для накачивания мышц, покупать пищевые добавки и тратить на тренировки много часов ежедневно. В нашем мире всё, к чему мы стремимся, не появляется просто по желанию. Многие вещи, которые мы хотим иметь, даже то, что нам нужно для поддержания жизни, можно получить, только затратив время и усилия. Тренажер для накачивания мышц просто так не падает с неба. (И слава богу!) И если я трачу несколько часов в день на поднятие тяжестей, я не могу использовать это время на написание книги или на игру со своими детьми.

Для нас, смертных, время — основной ограничивающий элемент. Даже у Билла Гейтса запас времени ограничен. Хотя он может позволить себе зафрахтовать на одно и то же утро частные реактивные самолеты, чтобы слетать на Арубу и Таити, он все же не может одновременно полететь на оба острова! Быть человеком — значит знать, что наши дни на земле сочтены и мы должны выбирать, как их использовать. Поскольку мы живем в мире редкости, использование средств для достижения цели подразумевает *издержки*. Для меня издержки по расходованию моего времени в спортзале определяются тем, как высоко я *ценю* другие способы, какими мог бы потратить то же самое время.

Для экономической науки ценность конкретных целей, которые мы выбрали, субъективна. Никто другой не может определить, является ли *для меня* час, потраченный на поднятие тяжестей, более ценным или менее ценным, чем час, потраченный на работу

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)